

МОИМ БАБУШКЕ И ДЕДУШКЕ.

*Благодаря вам я точно знаю:
настоящая любовь существует*

Когда борешься с самим собой,
каждый день похож на проигрыш,
но на самом деле ты всегда остаёшься победителем

ПЕПЕЛ И КРОВЬ

Серые хлопья кружились в воздухе и падали на землю, укрывая её тонким ковром. Но они тут же пропитывались кровью и становились грязного бордово-коричневого цвета. В воздухе стоял запах горелой древесины и плоти. Яркие языки пламени тянулись к небу, лаская его жаром.

Крики почти смолкли. Лишь редкие возгласы о помощи раздавались в ночной тишине. Стоны умирающих людей смешивались со звуком трещащего от жара пламени дерева.

Он шагал медленно, чувствуя под босыми ногами холодную, укрытую кровавым пеплом землю. Скучающе разглядывал балки, падающие с крыш небольших домов, узкой улицей протянувшихся по всей деревне на окраине провинции Кён. Он с отвращением смотрел на старые постройки, которые с животным аппетитом пожирал жадный и голодный огонь. Всё в этой деревне вызывало у него отвращение: люди, здания и даже запах, исходящий от земли. Гнили и тухлятины. Пропитанный бедностью, преступлениями и жадностью. Именно жадность и привела его сюда. А исполнять желания людей было его предназначением.

Кузнец, разорившийся совсем недавно, всем своим поганым сердцем желал вернуть былой успех. И раз желание загадано — цена должна быть уплачена. Кузнецу было дано несколько лет прекрасной жизни в роскоши и достатке, но за всё всегда нужно платить. И цена оказалась высока.

Он, бродящий среди пепелища, вновь скривился от противного привкуса воспоминаний. Радовался жизни кузнец, а платить по его счетам пришлось всей деревне. Но ничего не поделаешь. Деньги и богатство всегда выкупаются кровью. Кузнец даже не раздумывал, когда согласился на то, что нужно убить всех живущих рядом с ним, да ещё и поджёт дома. Но он даже не догадывался, что эта сделка — лишь забавная шутка пришедшего за платой. Ценой его желания должна стать его жизнь.

Ночной гость, шагающий по пеплу и запечённой крови, фыркнул, вспоминая о чудовищном поступке кузнеца. Прожив столько лет, ночной гость до сих пор удивлялся жестокости людей.

Он продолжал брести по улице, как вдруг услышал детский плач. Тоненький голосок, словно переливы весеннего ручья, нарушал идеальную симфонию звуков треска дерева и стонов доживающих последние минуты людей.

И потом он увидел её. Маленькую хрупкую девочку. В необычно красном для её возраста ханбоке¹, испачканном в грязи и гари. Её маленькие босые ноги ступали по пеплу, оставляя тёмные мокрые следы. Чёрные как ночное небо волосы выбились из косы и теперь тонкими ручейками спадали на дрожавшие от рыдания плечи.

Ночной гость смотрел на девочку среди ярких вспышек пламени и кружащихся в небе серых хлопьев и не

---

¹ Ханбок — корейский традиционный костюм.

мог понять, видится она ему или нет. Девочка с опухшими полузакрытыми глазами продолжала идти прямо на него. Она часто останавливалась, запрокидывала голову, выглядывая в небо что-то неизвестное ночному гостю, и вновь шла вперёд. Когда девочка подошла совсем близко, он смог разглядеть красный ханбок. В нос ударил резкий запах крови, и только тогда он увидел светлый подол платья и понял, что красный цвет ткань приобрела, а не была такой изначально. Почти весь наряд девочки оказался пропитан кровью. Её волосы слиплись по этой же причине.

Девочка резко остановилась, но плакать не перестала. Она всхлипывала, втягивая скопившиеся в носу сопли, и продолжала рыдать. Ночной гость уставился на девчущку, разглядывая её с интересом. Живое существо среди пепелища и луж крови.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Девочка продолжала плакать.

— Хватит реветь! — раздражённо хмыкнул он.

Она шумно втянула воздух и заплакала с новой силой. Ночной гость цокнул и щёлкнул пальцами. Девочка резко замолчала и удивлённо уставилась на него.

— Ты ведь желала больше не плакать. Не смотри так на меня, я знаю все твои желания.

Она вытерла нос красным рукавом, отчего на щеках остались розовые пятна, и ещё пристальнее начала всматриваться в тёмные глаза ночного гостя. Он поднял бровь и прищурился, делая шаг в сторону девочки. Она дрожала, но не плакала, смотрела прямо на приближающуюся к ней тёмную фигуру. Он ухмыльнулся и наклонился вперёд, чтобы их лица были на одном уровне.

— Что ты здесь делаешь? — повторил он.

Девочка дрожащим голосом ответила:

— Маму и папу убили. Было столько крови... Вот, смотрите. — Она протянула вперёд руки, укрытые широкими рукавами ханбока, и показала ночному гостю.

— Почему же не убили тебя?

Девочка робко пожала плечами, опуская руки.

— Зато я знаю. Этот жалкий урод струсил.

Ночной гость протянул руку и указательным пальцем приподнял подбородок девочки, вглядываясь в её глаза.

— Метка духов квисинов, верно? Твои глаза необычного цвета. Этого он и испугался.

Девочка дёрнула подбородком и тут же стыдливо опустила глаза, пытаясь спрятать их от пристального взгляда.

— Побоялся, что будет проклят. Ха! — усмехнулся ночной гость. — Глупые людские предрассудки.

— Мои родители говорят, что я правда проклята духами квисинами. Говорили, — всхлипнув, поправила себя девочка.

— Ты думаешь, всё это случилось из-за тебя? — прищурился ночной гость.

Девочка нахмурилась и чуть заметно покачала головой, но потом тут же одобрительно кивнула.

— Может быть, и так, а может, и нет, — улыбнулся он и засунул правую руку в широкий карман в рукаве. — У меня есть подарок для тебя, дитя.

— Подарок? — удивилась девочка.

В руках ночного гостя появилась необычной красоты кисть, ручка которой оказалась выполнена не из привычного, греющего руку дерева, а из холодного нефрита. Казалось, в ручке кисти прячется тысяча ручейков с тёмной водой, пересекающих зелёные луга. Щетина на конце кисти переливалась и блестела, словно животное, с которого взят материал для наконечника, было необычным.

Девочка заворожённо смотрела на кисть, чуть приоткрыв рот.

— Вы хотите подарить её мне?

— Да. — Ночной гость pokrutil кисть между пальцами и протянул девочке. — Однажды она поможет тебе исполнить свою судьбу, дитя, проклятое квисинами.

Девочка робко взяла кисть из рук ночного гостя. Её тонкие пальцы осторожно провели по нефритовой ручке, коснулись наконечника. Казалось, нефрит стал ярче, и по тоненьким дорожкам потекло золото. Девочка испуганно отняла пальчик и вновь посмотрела на гостя.

— Не благодари. — Он хлопнул девочку по плечу и зашагал прочь, оставив её среди догорающих домов.

— Постойте! — крикнула ему вслед девочка. — Что мне делать с этой кистью?

Ночной гость остановился и посмотрел через плечо.

— Естественно, рисовать, — спокойно ответил он.

— И что же мне рисовать?

Ночной гость хитро улыбнулся, вернулся, наклонился и прошептал ей на ухо:

— Судьбы других людей, дитя.

Она испуганно отпрянула и часто заморгала. Ночной гость выпрямился, вновь развернулся и, шагая по крови и пеплу, ушёл прочь, скрываясь во тьме. Девочка осталась одна. Среди душного, сгоревшего в огне воздуха, с холодной нефритовой кистью в руках. Треск древесины почти стих, но запах гари и крови до сих пор бил в нос. Где-то вдали стрекотали цикады.

Девочка подняла голову и хотела заплакать, но слёзы словно испарились. Ни единой слезинки. Ничего. Лишь глухая пустота в сердце и холодная нефритовая кисть в руках.

ДВЕ КРАСНЫЕ НИТИ СУДЬБЫ

В городе Квансан, в провинции Кён, наступила ночь. Уставшие за день фермеры возвращались домой, где их ждала семья. Жёны же, в свою очередь, покорно ждали мужей, приготовив вкусный рис и закуски. С заходом солнца город затихал. Оставалось лишь одно место, где ночь означала начало действия и представлений: маленький квартал красных фонарей, стоящий на самой окраине города. Он светился в темноте и разбавлял серость городка Квансан своими яркими красками и тёплым светом, исходящим от висевших на доме кисэн¹ фонариков. С наступлением ночи квартал гудел и оживал. Он наполнился запахами уличной еды и выпивки. Звуками каягыма² и флейты, доносившимися из домов кисэн. Ночь разливалась по кварталу и заполняла всё вокруг.

Лиён, сидевшая в своей комнате и смотрящая в окно на жизнь квартала, вновь выслушивала недовольства настав-

---

¹ Кисэн — корейский аналог гейши.

² Каягы́м — корейский многострунный щипковый музыкальный инструмент. Один из самых распространённых в Корее струнных инструментов.

ницы Ким, которая на протяжении уже двенадцати лет повторяла одно и то же:

— Лиён, сколько раз говорить: если ты на особенном счету у нашего хозяина, это не значит, что ты можешь воротить нос от основной работы. Среди других девушек ходят сплетни. — Наставница Ким недовольно поправила яркую, расшитую цветами юбку и строго посмотрела на Лиён.

— Я не собираюсь выплясывать перед этими вонючими похотливыми мужиками! — фыркнула Лиён. Она демонстративно подпёрла рукой подбородок, продолжая всматриваться в прохожих, смеющихся на улице.

Подол её алой словно кровь юбки чхима¹ укрывал деревянный пол. Необычное чогори² выделялось даже на фоне яркой юбки. Широкие рукава закрывали руки девушки. На алом шёлке красовались вышитые чёрные ласточки с широко расставленными крыльями.

Наряды Лиён всегда имели красный цвет и шились на заказ. Иногда вышитые ласточки ловко перелетали с чогори на алую юбку. Девушки завидовали, видя, какой искусный наряд всегда носила Лиён, а мужчины восхищались и желали заполучить гордую и недоступную кисэн в красных одеяниях. Часть её чёрных волос цвета воронова крыла была туго связана в пучок на макушке, а остальные волосы спадали на плечи. В волосах вместо привычного всем пинё³ торчала тонкая нефритовая кисть.

---

¹ Чхима — общий термин, обозначающий юбку, которую носят вместе с чогори или короткой курткой.

² Чогори — блузка или жакет, основной элемент ханбока, корейского национального наряда, как мужской, так и женской его разновидности. Чогори закрывает руки и верхнюю часть тела.

³ Пинё — традиционная корейская заколка-шпилька для фиксации женских шиньонов и мужских пучков.